

Радий Петрович Погодин

Кони

Дед Савельев еще в первую военную весну назначил поле для пахоты — широкий клин между холмов, возле озера.

— Эту землю пашите. Эта земля устойчивая. За всю мою жизнь этот клин никогда не давал пропуска. В засуху здесь вода не иссыхает — здесь ключи бьют. В дожди с этой земли излишек воды стечет, потому что поле наклонное к озеру. И солнце его хорошо обогревает благодаря наклону. И ветер его обходит — оно холмом загорожено.

С этого клина прожили вторую зиму под немцем. Долгой была та зима. Вьюжной была и отчаянной. В малую деревню вести с фронта не попадают. А если и достигнут какие, то немцы изукрасят их на свой лад — худо...

Худо, когда печь не топлена.

Худо, когда есть нечего, ребят накормить нечем.

Худо совсем, когда неизвестность.

Но не верит сердце в погибель. Даже в самой слабой груди торопит время к победному часу.

Весна пришла ранняя. Услышав ее, снарядились женщины пахать. Четверо тянут, пятая плуг ведет. А другие отдыхают. Пашут по очереди, чтобы не надорваться. Семена собрали по горстке, кто сколько сберег.

Сенька тоже в упряжку стал — пришел со своей лямкой в помощь. Тянет — в голове от натуги звон, в глазах круги красные.

— Ай да конь! Ну жеребец! Не ярись, не лютуй — все поле потопчешь. Ишь в тебе силы сколь — аж земля трещит.

На эти насмешки Сенька внимания не обращает. Пусть посмеются для пользы дела.

От земли пар идет. И от пахарей пар. Небо мотнулось куда-то вбок. Земля из-под ног выскользнула. Падает Сенька носом в борозду.

— Ай да конь! — говорят женщины.

После передышки Сенька снова приладил свою лямку к плугу, и прогнать его никто не решился.

Уже вспахали больше половины, когда наткнулись на бомбу. Пошли к деду. Жалко им работы, жалко потраченной силы, а ничего не поделаешь: шевельнешь бомбу — и вырастут вместо хлеба сироты.

Дед долго сидел, глядя в окно на весну, которая — и не заметишь — обернется каленым летом.

— Нужно дальше пахать, — сказал дед. — С этого поля вы сыты будете. С другого не наверняка. Кабы тех полей много, как раньше: на одном посохнет — на другом уродится, на одном погниет — на другом выстоит. А здесь одно, да зато верное.

— Дед, бомба на нем. Ты, может, не понял иль недослышал? — сказала ему женщина-председатель.

— С бомбой я слажу,— ответил дед. Пригнулся к окну, прислонил голову к переплету.— Кабы знать, куда ее стукнуть, тогда бы мне и совсем просто. На один миг делов.

Бабка Вера, самая старая в деревне старуха, которая, как говорили, когда-то давно оседлала черта и с тех пор на нем верхом ездит, иначе как объяснишь такую прыть в ее древнем возрасте, растолкала женщин, стала перед стариком подбоченья:

— Ты что же, сивый пень, не знаешь? Сколько раз на войне воевал и не знаешь?

— Не шуми, Вера. Система на всякой войне разная. Ты, если что, кошку мою, Марту, к себе заberi.

Бабка Вера руками взмахнула — руки у нее словно клюющие тощие птицы.

— Ну, варнак! О душе бы подумал, а он о кошке.

Женщины смотрели на них с испугом.

— Вы завтра утром в поле не приходите,— спокойно сказал дед Савельев,— Сидите дома. Ты, Вера, тоже дома побудь. Не вздумай... В таком деле одному надо.

— Молод еще мной командовать! — Бабка Вера пошла, пошла по избе.

Кошка, зашипев, мотнулась на печь.

Дед вздохнул, отвернулся к окну. Он в небо глядел, на журавлиный пролетающий клин.

— Пс-ссс...— прошептала бабка. Кошка Марта прыгнула к ней на руки,— Пойдем,— сказала ей бабка ласково,— у меня побудешь.

Женщины ушли тихо. Бабка, шаркая по полу залатанными кирзовыми сапогами, унесла кошку. Сенька остался — забился на печи за стариков полушубок.

Старик у окна сидел. Закатное небо разукрасило его голову в огненный цвет.

Проснулся Сенька от старикова шага. Старик оглядывал заступ и что-то ворчал про себя не сердито, но строго.

Сенька решил: «Топора не берет, значит, отдумал тюкать бомбу по рыльцу». Внезапный крепкий сон настиг его в конце этой мысли, оттого опоздал Сенька в поле. А когда пришел и затаился в овраге, по которому вдоль поля бежал ручей, услышал: ударяет дед обухом топора по бомбе. Бомба гудит жестко, как наковальня,— звук ударов словно отскакивает от нее.

— Взял топор все-таки! — выкрикнул Сенька, и обмерло его сердце по деду, и захрустела на зубах соленая мокрая земля.

Когда в овраг пришли женщины, не утерпели, у старика уже был выкопан вдоль бомбы окопчик — узкая щель. Теперь он копал ступеньки — в эту щель плавный сход. А когда выкопал, спустился туда и осторожно скатил бомбу себе на плечо.

Женщины в овраге замерли. Куда старому такую тяжесть? Но, видать, имеется в человеке, хоть стар он и немощен, такая способность, которая помогает ему всю силу, оставшуюся для жизни, израсходовать в короткое время.

Дед полез по ступенькам вверх. Взойдет на одну ступеньку, поотдышится. Выше вздымается. Упирается рукой в край щели, чтобы вес бомбы давил не только на ноги ему. А когда выбрался из земли, направился по борозде к озеру. Мелко идет — некрепко. Рубаха на нем чистая. Белые волосы расчесаны гребнем.

Женщины поднялись из оврага. Бабка Вера впереди всех. Без платка.

Сенькина боязнь отступила перед медленным дедовым шагом, перед его согнутой спиной, которая сгибалась все ниже. Сенька пополз по оврагу за дедом вслед.

Шея у деда набухла. Колени подламывались.

До озера он дошел все-таки. Стал на край обрыва. Бомбу свалил с плеча в воду и повалился сам. Бомба рванула. Крутой берег двинулся в озеро вместе с упавшим дедом.

Когда женщины подбежали, на месте обрыва образовалась песчаная пологая осыпь. Внизу, у самой воды, лежал дед, припорошенный белым песком. Дед еще жил.

Он был нераненый. Только оглохший и неподвижный. Женщины подняли его, отнесли на руках в избу. Там он потихоньку пришел в себя.

Ребятишки деревенские во главе с Сенькой каждый день приходили к нему, играли возле него или просто сидели.

Фронт сквозь деревню прошел, опалил ее, но не сильно — дожил дед до нашего войска.

Сеньку нарядили кур пасти, потому проглядел он дедову кончину Тамарка Сучалкина, после Сеньки самая старшая, сидела в тот день в стариковской избе во главе ребятишек.

Дед подозвал ее и велел:

— Уводи, Тамарка, детей. Я помирать стану. Народу скажи, чтобы не торопились ко мне идти, чтобы повременили. Пускай завтра приходят.

Тамарка испугалась, заспорила:

— Ты что, дед? Ты, наверное, спишь — такие слова плетешь.

Дед ей еще сказал:

— Ты иди, Тамарка, уводи детей. Мне сейчас одному нужно побыть. Сейчас мое время дорогое. Мне нужно людям обиды простить и самому попросить прощения у них. У всех. И у тех, что померли, и у тех, что живут. Иди, Тамарка, иди. Я сейчас буду с собой разговаривать...

Тамарка не так словам поверила дедовым, как его глазам, темным, смотрящим из глубины, будто сквозь нее — будто она кисейная. Тамарка подобрала губы, утерла нос и увела ребятишек за лесную вырубку, посмотреть, как цветет земляника.

Когда Сенька узнал, что старик помер, он упал на траву и заплакал. Ушли из его головы все мысли, все обиды и радости — все ушло, кроме короткого слова — дед.

Четыре солдата — четыре обозных тыловики, пожилые и морщинистые, внесли дедов гроб на высокий холм. На этом месте был древний погост. Еще сохранились здесь древние каменные кресты, источенные дождями, стужей и ветром. Немцы рядом с каменными крестами устроили свое

кладбище — ровное, по шнуру. Кресты одинаковые, деревянные, с одной перекладиной. С какой надменной мыслью выбирали они это место, на какой рассчитывали значительный символ?

Женщины придумали положить деда там же, на самой вершине бугра, чтобы видны были ему и немецкое скучное кладбище, и вся окрестная даль: и поля, и леса, и озера, и деревня Малявино, и другие деревни, тоже не чужие ему, и белые от пыли дороги, исхоженные медленным дедовым шагом. Женщины, разумеется, знали, что умершему старику уже ничего не увидеть и запахи трав его не коснутся, что ему нет разницы, в каком месте лежать, но хотели они сохранить живую молву о нем, потому и выбрали древний высокий холм ему как бы памятником.

Солдаты снарядились дать над могилой залп из четырех боевых винтовок.

— Не нужно над ним шуметь,— сказала женщина-председатель.

Бабка Вера руки из-под платка выпростала. Вскинулись ее руки кверху, как комья земли от взрыва.

— Палите! — закричала она,— Небось солдат. Небось всю жизнь воевал. Палите!

Солдаты выстрелили в синий вечерний воздух из своего оружия. И еще выстрелили. И так стреляли три раза. Потом ушли. Женщины тоже ушли. Покинули холм ребятишки, одетые во что попало, застиранное, перелатанное и не по росту. Остались возле могилы дедовой Сенька да бабка Вера.

Сенька сидел согнувшись, уронив голову. В сером залатанном ватнике он был похож на свежую грудку земли, не проросшую травами. Бабка Вера металась среди немецких могил черным факелом. Подходила к краю бугра, и все бормотала, и все выкрикивала, словно бранила за что-то старика Савельева, по ее мнению рано ушедшего, или, напротив, обещала в своей бесконечной старости прожить и его недожитое время.

На следующий день солдаты-обозники укатали на рессорных телегах к фронту. Женщины заторопились свои дела делать. Ребятишки сели на теплом крыльце избы, в которой дед проживал, в которой сейчас было пусто, по-пустому светло и гулко и прибрано чисто.

Фронт уже далеко отошел от деревни. Лишь иногда по ночам избы начинали дрожать. Ветер заносил в открытые окна неровный накатистый звук, будто рушилось что-то, будто бились боками сухие бревна и ухали, падая на землю. Небо над фронтом занималось зарей среди ночи, но страшная та заря как бы тлела, не разгораясь, не обжигая кучных серебряных звезд.

Все боевые войска давно прошли сквозь деревню, и обозы прошли, и санитарная часть. Дорога утихла. Она бы, пожалуй, совсем заузилась, так как местному населению ездить по ней было не на чем, да и некуда. Но шли по дороге колонны машин, груженные боевым припасом для фронта, и дорога пылила, жила.

Шагал по этой дороге солдат, искал для себя ночлега. Шел он из госпиталя в свою дивизию, в стрелковую роту, где до ранения состоял пулеметчиком. Крыльцо, усаженное ребятишками, поманило его, повлекло. Подумал солдат: «Вот, однако, изба веселая. Остановлюсь тут, отдохну в житейской густой суматохе». Солдат вспомнил свою семью, где был он у матери седьмым, самым младшим сыном — последним.

— Привет, мелкота,— сказал он.

— Здравствуйте,— сказали ему ребятишки.

Солдат заглянул в избу.

— Чисто живете. Разрешите и мне пожить с вами до завтра. А где ваша мамка?

— Наши мамки в поле,— ответила ему Тамарка Сучалкина, самая старшая.— Мы в этой избе не живем. В ней дед Савельев жил, а теперь помер.

Оглянулся солдат на ребятишек. Разглядел их — тощие, большеглазые, очень пристальные и тихие.

— Вот оно как, однако...— сказал солдат,— Чего же вы тут, у пустой избы, делаете? Играете?

— Нет,— сказала девчонка Тамарка.— Мы здесь просто сидим.

Девчонка Тамарка заплакала и отвернулась, чтобы другие не видели.

— Вы ступайте в какую-нибудь другую избу ночевать,— посоветовала она солдату.— Сейчас в избах просторно. Когда фронт проходил, в избах народ не помещался — на улице спали. А сейчас в избах места пустого много.

Но солдату понравилась чистая комната, привлекла тишина и широкая лавка вдоль печки. «Что я, шуму не слышал и писку ребячьего? — подумал солдат,— Зачем я буду кусок отрывать от голодных ртов? А мне самому поделиться нечем — полхлеба да полбанки консервов на всю дорогу до фронта. А еще идти вон сколько. Заночую в этой избе. Перина мне не понадобится, шинель постелю и шинелью укроюсь».

— Я здесь заночую,— объяснил Тамарке солдат.— Сразу спать лягу. А вы не шумите, мне рано вставать, я в свою дивизию тороплюсь.

Тамарка кивнула: мол, ваше дело.

Солдат положил мешок в изголовье и завалился на ночлег. Помечтал немного о медицинской сестре Наташе, с которой познакомился в госпитале, которой пообещал письма отсылать каждый день, и заснул.

Во сне он почувствовал, будто его трясут и толкают в спину.

— Что, в наступление? — спросил он, вскочив. Принялся шарить вокруг, отыскивая винтовку, и проснулся совсем. Увидел себя в избе. Увидел окна с красной каймой от закатного солнца. А перед собой разглядел мальчишку в драном и не по росту ватнике.

— Ты что в сапогах завалился? — сказал мальчишка солдату взрослым угрюмым голосом,— На этой лавке дед помер, а ты даже сапоги не скинул.

Солдат рассердился за прерванный сон, за то, что его такой молокосос уму учит. Закричал:

— Да ты кто такой? Как пальну тебе по ушам!

— Не кричи. Я тоже кричать могу,— сказал мальчишка,— Я здешний житель. Сенькой зовут. Днем я на коне работал. Сейчас его пасть погоню к озеру, на луговину.- Мальчишка подошел к двери. Лицо его просветлело, он зачмокал тихо и ласково.

Солдат тоже увидел привязанного к крыльцу коня. Был тот конь то ли больной, то ли совсем заморенный. Шкура на широкой кости висела как балахон. Голову конь положил на перила, чтобы шея у него отдыхала.

— Вот так конь! — засмеялся солдат.— Таков конь на одер да на мыло. Другой пользы от него никакой.

Мальчишка гладил коня по морде, совал ему в мягкие черные губы сбереженную корочку.

— Какой ни на есть — все конь. Жилы у него в ногах застуженные. Я его выхожу, к осени резвый будет. Нам его солдаты-обозники подарили. Они и деда схоронить помогли. А ты, спать ляжешь, сапоги скинь. Нехорошо. Дом еще после деда не остыл, а ты в сапогах завалился.

Солдат зубами заскрипел от досады. Плюнул.

— Подумаешь, дед! — закричал,— Помер, туда ему и дорога. Он свое пожил. Сейчас маршалы гибнут и генералы. Солдаты-герои пачками в землю ложатся. Война! А вы тут со своим дедом...

Солдат лег на лавку к печке лицом и долго еще ворчал и выкрикивал про свои раны и страшные минуты, которые он претерпел на фронте. Потом солдат вспомнил свою мать. Была она уже старая непомерно. Еще до войны у нее было одиннадцать внуков от старших сынов.

— Бабка,— вздохнул солдат,— Однако всю эту ораву сейчас растит. Картошек варит не по одному чугуну. На такую гурьбу много еды нужно — сколько ртов! Ей бы отдохнуть, погреть ноги в тепле, да вот, видишь, какое дело — война.— Солдат заворочался, сел на лавке. Показалось ему, что изба не пустая, что движется в этой избе его мать в своих бесконечных хлопотах.

Солдат хотел сказать: «Тьфу ты!» — но поперхнулся. Потом прошел по избе, потрогал нехитрую утварь, стесненно и радостно ощущая, что сохранили тут для него нечто такое, о чем мог позабыть в спешке войны.

— Ух ты,— сказал солдат,— бедолаги мои...— И закричал: — Эй! — не умея позвать мальчишку, потому что всякие слова, которыми называют мальчишек солдаты, здесь негодились.— Эй, мужик на коне!

Никто ему не ответил. Мальчишка уже ушел пасти коня к озеру и, наверно, сидел сейчас под березой, растапливая костерок.

Взял солдат мешок, взял шинель. Вышел на улицу.

Земля в этом месте полого спускалась к озеру. В деревне было еще красно от заката, внизу, в котловане у озера, собралась, натекала со всех сторон темень. В темноте, как в ладонях, горел костерок. Иногда огонь свивался клубком, иногда поднималась из его сердцевины струйка летучих искр. Мальчишка костер разжег и палкой в нем шевелил, а может быть, подбрасывал в огонь сухого елового лапника. Солдат отыскал тропку. Спустился к мальчишке на мокрый луг.

— Я к тебе ночевать пришел,— сказал он,— Не прогонишь? Мне одному что-то холодно стало.

— Ложись,— ответил ему мальчишка.— Сюда шинельку стели, здесь сухо. Тут я вчера землю костром прокалил.

Солдат постелил шинель, растянулся на мягкой земле.

— Отчего дед помер? — спросил он, когда помолчали они сколько положено.

— От бомбы,— ответил Сенька.

Солдат приподнялся:

— Прямым попаданием или осколком?

— Все одно. Помер. Для тебя он чужой, а для нас — дедка. Особенно для малых, для ребятишек.

Сенька сходил проведаль коня. Потом подбросил в огонь хворосту и травы, чтобы отгонять комаров. Расстелил драный ватник возле солдатской шинели и прилег на него.

— Спи,— сказал он.— Завтра спозаранок будить буду. Дел много. Я две картошины закопал под золу, утром съедем.

Солдат уже подремал в избе, перебил сон на время и теперь не мог уснуть сразу. Глядел в небо, в ясные звезды, чистые, словно слезы.

Сенька тоже не спал. Смотрел на теплый багрянец в небе, который будто стекал с холмов в озеро и остывал в его темной воде. Пришла ему в голову мысль, что дед и по сей день живет, только переселился на другое, более удобное для себя место, на высокий холм, откуда ему шире глядеть на свою землю.

Уснувший солдат бормотал во сне что-то любовное. С озера поднялся туман. Зыбкие тени шатались над лугом, сбивались в плотный табун. Мнилось Сеньке, что вокруг него пасется много коней — и гнедых, и буланых. И крепкие, статные кобылицы нежно ласкают своих жеребят.

— Дед,— сказал мальчишка, уже засыпая.— Дедка, у нас теперь кони есть...

И солдат шевельнулся от этих слов, положил на мальчишку свою тяжелую теплую руку.